

М. А. КОРФ

Дневники 1838 и 1839 годов

<Фрагменты>

17 февраля [1838]

<...> Подробности этой, первой в моей жизни аудиенции в кабинете Государя, к несчастию, мною тогда не записаны. Она продолжалась около четверти часа, и Государь был чрезвычайно милостив: о заносчивости моей не было и отдаленного намека. С этого времени Государь вообще сделался ко мне гораздо ласковее; стал говорить со мною на балах, если и не всякий раз, то, по крайней мере, иногда, стал принимать не на общих представлениях, а в своем кабинете. а я с моей стороны сделался осторожнее: не беспокою уже его ни просьбами, ни безвременными представлениями.

В болезнь мою, в зиму с 1836-го на 1837 год, Государь почасту наведывался обо мне у пользовавшего меня доктора Арендта¹ и однажды прислал фельдъегеря. Потом здоровье мое необходимо потребовало поездки в чужие края: Государь не только уволил меня на шесть месяцев, но оставил при мне все мои оклады и дал на дорогу 1500 червонцев. За все это, а вместе и за пожалование мне, во время болезни, чина тайного советника я благодарил Государя 22 февраля 1837 года и эту аудиенцию тогда же подробно записал.

Когда я вошел в комнату, Государь встретил меня с распростертыми объятиями и с вопросом: «Ну что, оправился ли немножко, бедный мой Корф?»

«Государь, милости Ваши выкупили все мои страдания: чувства мои уже не одни чувства верноподданного, но чувства сына к обожаемому отцу».

Тут Государь, пожав мне руку, велел рассказать подробно всю болезнь от начала до конца. Когда я коснулся статьи о расстроен-

ных нервах, он с усмешкою возразил: «Нервы, братец, полно тебе: в наши лета, какая ты мадам!»

Но потом обратился опять с участием к разным вопросам: не болит ли у тебя грудь, правда ли, что пострадала моя память, и пр., с изъявлением надежды, «что все это поправится, на новую, такую же полезную службу мне, как и до сих пор». После нескольких лестных фраз в общих выражениях он перешел снова в шуточный тон и, спрашивая о причинах моей болезни, прибавлял: «Не слишком ли ты напустил на молодую свою жену, а? Может быть, вы слишком много шалите, скажи ей, чтобы она сберегала тебя для меня».

Потом он обратил речь к плану моего путешествия: «Куда ты едешь: на Рейн или в Богемию?» — «Доктора советуют мне ехать на Рейн, но не решили еще, к каким именно водам. Впрочем, кроме домашнего моего доктора, я советовался только с Арендтом; но думаю еще переговорить с Мандтом², который недавно оттуда приехал и лучше должен знать местность». — «И прекрасно сделаешь: Мандт — очень искусный человек и тем больше искусен, что умеет действовать не только на физику, а и на воображение. С моей женою он сделал чудеса, и мы оба от него в восхищении. Не верь здешним докторам, если они его бранят: это оттого, что он их в тысячу раз умнее и ученее. Советуйся с ним одним и ему одному доверяй».

Поговорив затем вообще о недоверии своем к докторам и к медицине и о надежде, которую он полагает, для моего выздоровления, на воды, на рассеяние и на климат, Государь вдруг перешел к вопросу: «Но кто же заступит тебя на такое долгое время?» — «Государь, мне объявлена уже ваша воля по этому предмету. Вам угодно было приказать, чтобы мою должность исправлял старший по мне». — «Да, да, чтобы не пускать чужого козла в огород. Но довольно ли надежен Боровков?³ Можно ли ему поверить такие важные обязанности?»

«Он — человек надежный и по правилам, и по знанию дела, если и не отличный редактор, в чем прошу Ваше В^{еличеств}о иметь к нему милостивое снисхождение. Но дела, смею надеяться, пойдут к удовольствию Вашего В^{еличеств}а. Я очень счастлив товарищами: все они люди благородные, знающие, пользующиеся доверенностью членов и, получив единожды должное направление, будут делать каждый свое дело. Притом тут почти три месяца вакаций, а, воротясь с новыми силами, я постараюсь

поправить, если б что-нибудь и было упущено, чего, впрочем, нет причины опасаться».

Тут Государь удивил меня своими познаниями о составе Государственной канцелярии; спрашивая порознь о каждом из высших чиновников, он называл их по фамилиям и входил в подробность насчет их способностей, сведений и надежности. Я отвечал, отдавая каждому заслуженную справедливость.

«У тебя такой напев, какой я редко слышу от других: хвалит каждый больше себя, а других как бы пониже. Но полно: я знаю, что все это держится и идет тобою, и очень боюсь твоего отсутствия, а между тем еще раз благодарю за то, что ты так поднял и облагородил и канцелярию Комитета министров, и Государственную канцелярию. Мы с тобою еще не сосчитались!»

Когда, между прочими отзывами насчет чиновников, я особенно рекомендовал Башуцкого (правящего должность статс-секретаря в гражданском департаменте) за благородство правил и бескорыстие, он возразил: «Сначала я никак не мог вразумить себя, чтобы можно было хвалить кого-нибудь за бескорыстие, и меня всегда взрывало, когда ставили это кому в число достоинств; но после поневоле пришлось свыкнуться с этой мыслью: горько думать, что еще бывает у нас противное, когда я и все мы употребляем столько усилий, чтобы искоренить это зло».

«Государь, — отвечал я, — в этом отношении, как и во стольких других, Россия далеко против прежнего ушла в ваше царствование. Я служил около десяти лет при императоре Александре и могу судить по сравнению. Теперь, по крайней мере в высших степенях, все чисто, как Ваши намерения, и если мы иногда грешим, так по ошибкам, а не по злой воле». — «Об вас и я так думаю. Но что еще внизу, что в середине? Там точно должно еще хвалить за честность и выставлять за достоинство то, что следовало бы считать лишь за отсутствие зла. Но об этом можно бы наговорить еще тьму, а потолкуем-ка лучше об наших делах».

Рассуждая о сих делах, Государь объявил мне желание свое, чтобы до отъезда моего за границу окончены были два дела, обратившие на себя особенное его внимание: преобразование губернского управления и проект общего закона о порядке следствий. «Мне очень хочется, — сказал он, — чтобы оба эти дела были обработаны еще твоим пером, но смотри, чтобы в припадке ревности тебе не слечь опять в постель и мне не иметь этого на совести».

Ответ мой был, что первым делом мы уже усердно занимаемся (оно после и кончено до моего отъезда), но второго еще не получали; что, конечно, все будет приложено для скорейшего их окончания и что я готов и слечь опять в постель, лишь бы исполнить волю Его Величества.

«Нет, нет, прошу беречь себя и велю за этим смотреть. Теперь прощай; мне пора со двора, а тебе отдохнуть: я тебя замучил полубольного на ногах. Впрочем, мы еще не совсем прощаемся: прошу быть у меня перед отъездом». Новое пожатие руки и: «До свидания» — в дверях.

На другой день гр. Новосильцев⁴ был у Государя и объявил мне, что Его Величество отзывался ему с особенным удовольствием обо мне и о нашем свидании. Граф сказал мне, что особенно радуется перемене мыслей Государя насчет так называемой моей заносчивости и что Его Величество между прочим отозвался, что с удовольствием видит, что я сделался солиднее.

После того я прощался с Государем, перед моим отъездом 13 мая. Аудиенция эта была не так продолжительна, как предыдущая, но столько же милостива. По возвращении моем из-за границы Государь сказал гр. Новосильцеву, что велит меня к себе позвать, но этого не сбылось. Между тем он увидел меня на бале у гр. Левашова и тут благосклонно приветствовал. Теперь я живу как устрица в своей раковине: свято исполняю мои обязанности, но, пользуясь плодами полученных мною уроков, смиряюсь больше, чем когда-нибудь, и, конечно, уже ничем, от меня зависящим, не обновлю в Государе мысли о моей заносчивости.

21 февраля [1838]

<...> Вот еще анекдот об Государе, доказывающий его веселое расположение духа и игривое воображение и хотя не новый, но рассказанный мне недавно очевидцем, Позеном (тем самым, с которым случилась у нас беда). В поездку Государя по разным губерниям в 1834 г. были при нем только гр. Бенкендорф <...>, доктор Енохин <...> и Позен <...>. Вот что последний слышал из другой комнаты.

Енохин в кабинете у Государя: он весел и разговорчив: «Ты из духовного звания, Енохин, — говорил он, — и, следственно, верно, знаешь церковное пение». — «Не только знаю, Государь, но в молодости и сам часто певал на клиросе». — «Так спой же что-нибудь, а я буду припевать» и вот они поют вдвоем церков-

ные стихиры. — «Каково, Енохин!» «Прекрасно, Государь, Вам бы хоть самим на клиросе петь». — «В самом деле у меня голос не дурен, и если б я был тоже из духовного звания, то, вероятно, попал бы в придворные певчие. Тут пел бы, пока не спал с голосу, а потом — ну потом выпускают меня по порядку, с офицерским чином, в Почтовое ведомство. Я, разумеется, стараюсь подбитьсь к директору, и он припрочивает мне тепленькое местечко, например: почт-экспедитора в Луге. Но на мою беду у лугского городничего хорошенъкая дочка, в которую я по уши влюблусь, но которой отец никак не хочет меня видеть. Отсюда начинаются все мои несчастия. В исступлении страсти я уговариваю девочку бежать со мною и похищаю ее. Доносят моему начальству и отнимают у меня любовницу, место, хлеб, а напоследок отдают под суд. Что тут делать без связей и без покровителей?» В эту минуту вошел в кабинет гр. Бенкендорф. «Слава Богу, я спасен: нахожу путь к Бенкендорфу, подаю ему просьбу, и он вытаскивает меня из беды».

Можно представить, какой неистощимый смех произвел в слушателях этот роман *ex abrupto**. <...>

20 ноября [1838]

Государь воротился из Москвы с герцогом <...> 18-го числа в 1-м часу пополудни; в тот же день перед обедом катался в санях с велик. кн. Марию Никол^{<аевной>}, а вечером был уже и в театре, хотя две ночи провел в дороге, и, несмотря на то, вчерась высланы мне огромные фолианты наших дел, ездившие за ним в Москву. Деятельность его и физическая, и моральная поистине удивительны. От Москвы до Твери он доехал в санях, оттуда до Ижоры на колесах, а от Ижоры сюда опять в санях. Между тем у нас с 8-го ноября стоит совершенная зима: вчерась сделалась было первая и довольно сильная оттепель, но сегодня опять более 6° морозу.

6 февраля [1839]

<...> Вчера на прощанье с масленицею была обыкновенная *folle journee*** в Аничковском дворце, т. е. завтракали, плясали, обедали и опять плясали, и все это от часу по полудни до третьего пополуночи! Часу во 2-м ночью Государь стал предлагать импе-

* Экспромтом (*франц.*).

** Здесь.: вечеринка (*франц.*)

ратрице кончить, но она отвечала смеясь, что имеет разрешение от митрополита танцевать сколько угодно после полуночи, что разрешение это привез ей синодальный обер-прокурор (гусарский генерал гр. Протасов) <...>, а доказательство — то, что вот и сам он, обер-прокурор танцует. Во время попурри, когда дамы заняли все стулья, Государь, тоже танцевавший, предложил кавалерам сесть возле своих дам на пол, и сам первый подал пример. Пришлась фигура, где одна пара пробегает над всеми наклонившимися кавалерами: Государь присел очень низко, говоря, что научен опытом, потому что с него таким образом сбили уже раз тупей. Вообще веселились и шалили до бесконечности.

<...> Вопрос о дворце для велик. княжны Марии Николаевны <...>, наконец, решен: ей отдают дом у Синего моста, бывший Чернышевский, а теперь занимаемый школою гвардейских подпрапорщиков <...>, которую переводят в дом главноуправляющего путями сообщения у Обухова моста, а его перемещают в бывший дом французского посольства на Дворцовой набережной*. <...> Но как для распространения нового дворца и для открытия перед ним площади необходимо сломать несколько соседних домов, а владельцы их запрашивают несбыточную цену, то Государь повелел применить к этому случаю общий наш закон об экспроприациях с тем, чтобы указ для формы поднесен был через Государственную совет. Между тем бумага об этом кн. Волконского в Совет была написана очень неловко: не упоминая нисколько о побуждениях и цели покупки, он просто написал, что Государь, желая приобрести такие-то дома, повелел сделать им оценку на законном основании и пр. Считая, что священная обязанность наша есть охранять везде имя и волю Государя от всякого нарекания, я обратил внимание председателя на эту неуклюжую редакцию, относящую приложение тяжкого закона об экспроприации к одной будто бы прихоти Государя. Я предлагал заменить это для благовидности следующим выражением: «Государь, признавая необходимым в видах благоустройства и украшения столицы сломать такие-то дома, повелел» и пр.

Объяснение мое, по уполномочию председателя, с кн. Волконским <...> имело последствием то, что он взял свою бумагу назад, но присланная теперь взамен другая тоже не вполне удовлетво-

* Оба последние предположения не сбылись. Граф Толь остался, где жил, а школу подпрапорщиков перевели на новое место, в дом Кондукторской школы, которую при этом случае совсем упраздили.

рительна. В ней сказано только, что Государь, «признавая необходимым сломать такие-то дома», повелел и пр.

Совету, разумеется, тут невозможно делать ни возражений, ни перемен: он в этом случае просто форменный канал, чрез который указ пропускается к Высочайшему подписанию.

26 марта [1839]

Вот прошла и «святозарная ночь, светоносного дня восстания провозвестница», и на сей раз с этим величественным праздником, по поэтической идее Государя соединено было и торжество другого рода: освящение восставших из пепла палат его, новоселье русского царя. Вчера, 25 марта, в день Благовещения и вместе Великую субботу, освящен был главный дворцовый храм, а сегодня ночью совершилась уже в нем «утренняя глубока» и пасхальная обедня, со всем блеском и великолепием придворного священнослужения <...>. Нас собрали прежде всех к полуночи в Эрмитаже, в походную церковь, и оттуда пошел крестный ход, в сопровождении царской фамилии и двора, через весь Шепелевский дворец, прямо в главную церковь, где тотчас и началась заутрення. После обедни та же процессия отправилась через все важнейшие залы до внутренних комнат, где Государь с семьею своею раскланялись и удалились, но всем присутствующим от мала до велика числом, как думают, более 3 т. человек приготовлено было в огромных залах богатое разговенье, чего прежде никогда во дворце не бывало. Прискорбно было только для многих чтителей заветной старины, что не происходило обыкновенного целованья с Государем, между заутренней и обеднею, но и так мы разъехались из дворца гораздо после трех часов, а эта акколада занимает всегда более часа времени.

Что сказать о самом дворце? Повторяю вещь избитую, но вполне справедливую: только русский царь может произвестить такие чудеса! Все стало в новом блеске, в новом великолепии, улучшенное, украшенное против прежнего. Все комнаты и залы, через которые нас вели, совсем готовы, но готово и многое другое, чего мы не видали, наприм^{<ер>}: внутренние комнаты. Стиль дворца сохранен прежний, но везде больше вкуса, больше благородства и вместе больше удобности. Где были неуклюжие коридоры, так явились прелестные галереи, тесные комнатки, перерывавшие связь больших зал, уничтожены и введены в залы, разные темные проходы освещены и раздвинуты. Шествие царской фамилии с блестящим двором, с огромным хором певчих,

с крестами и святою водою, по этим сияющим палатам, где менее чем полтора года тому назад не оставалось ни потолков, ни полов, было истинно грандиозно и поразительно. Запустение и пепел сменились ликующею жизнью, пожирающее пламя — огнями радости. В Белой зале процессия шла через длинный ряд главных мастеровых, употребленных по возобновлению дворца: большою частью русские мужички в бородах и кафтанах. Государь казался чрезвычайно довольным и веселым.

Граф Канкрин <...> сказывал мне, что все вообще расходы по возобновлению дворца, разумея с внутренним убранством и меблировкою, дойдут до 30 млн. р.* — расход, конечно, важный, но первой необходимости: ибо русскому царю нельзя быть без дома, соответственного его величию и могуществу империи.

По случаю этого дня выбита особая медаль. Три главные члена Строительной комиссии: министр императорского двора кн. Волконский, обер-шталмейстер кн. Долгоруков <...> и дежурный генерал Клейнмихель <...> получили ее с брильянтами, прочим чиновникам, архитекторам, художникам и пр., числом 200, роздана медаль золотая; наконец, всем мастеровым и рабочим, числом 7000, дана та же медаль серебряная. Ее установлено носить в петлице на Андреевской ленте <...>.

...Отсутствие целованья с Государем имело, по крайней мере, то хорошее последствие, что во дворце все подражали его примеру, и после окончания службы никто почти не целовался. Прежде это лобзание со всем миром посреди ужасной жары и общей трансверсации бывало крайне неприятно.

В час был развод в Михайловском манеже, и тут Государь воротил частью, чему надлежало быть ночью, т. е. перецеловался со всею гвардиею. За вечернею императрица целовалась, как обыкновенно, с дамами. Итак теперь только мы, статские, остались без акколады <...>. Сегодня же перенесены торжественно из Аничковского дворца в обновленный Зимний знамена и штандарты гвардейских полков. Императорский флаг, знаменующий присутствие Государя в столице и перенесенный после пожара на Аничковский дворец, с сегодняшнего утра развевается уже на Зимнем <...>.

* Впоследствии, однако же, стал уверять, что все это вместе стоило не более 8 млн. р.

27 марта [1839]

В медали, розданной по случаю возобновления дворца, виден опять поэтический дух Государя. С одной стороны надпись: «благодарю» и под нею императорский шифр, с другой — посередине изображение дворца, надписи сверху: «усердие все превозмогает», снизу: «возобновлением начат в 1838-м, кончен в 1839-м году». Ульяновский священник рассказывал мне сегодня, что драгунские солдаты, возвращавшиеся в Петергоф, остановили на дороге одного мастерового с этою медалью: расспрашивали его, разглядывали медаль и, наконец, в порыве восторга кричали, что отдали бы последнюю копейку за «благодарю. Николай».

Нынче было одно из редких событий: визиты Светлого воскресенья делались в санях, не по вновь выпавшему, случайному и временному снегу, а по остаткам старого, довольно еще твердого зимнего пути. Сегодня появилось несколько дрожек, но сани всё еще преобладают. Утром рано было 8° морозу <...>, и после во весь день на север не таяло, но сильные лучи весеннего солнца растопили уже почти всю кору, так что мы плаваем в лужах и ныряем в ухабах.

7 мая [1839]

Государь совсем выздоровел и теперь, хотя главная квартира его еще в Петербурге, беспрестанно катается в Царское Село по железной дороге <...> к своим детям. Государь и все члены царской фамилии до сих пор ездят по железной дороге дарам особыми поездами, кроме велик., кн. Михаила Павловича, который ездит иногда и вместе с публикою.

3 сентября [1839]

<...> Бородинские маневры <...> повлекли за собою множество милостей и наград. Из важных и почетных лиц, кто сделан шефом полка с присвоением оному его имени, кто пожалован лентами и звездами. Сверх того, есть и одна награда общая: всем участвовавшим в Бородинской битве, если они и теперь еще состоят в рядах, пожалованы в виде прибавочного содержания те оклады, которые они в то время получали, разумеется, покамест они останутся в службе. Число таких ветеранов, конечно, чрезвычайно ограничено, а прибавочное содержание совершенно ничтожно, ибо тогда оклады были самые маленькие и все, продолжающие еще ныне службу, состояли в неважных чинах, так, например,

Паскевич, Толь, Чернышев были только полковниками. Все газеты наши наполнены великолепными описаниями бывших маневров, воздвижения на Бородинском поле памятника (работы гр. Канкрина) и пр., но разумеется, что нынче этот военный праздник не мог иметь той занимательности, как в Калише или в Вознесенске, потому что он не был украшен присутствием дам. Всего тут примечательнее собственноручный приказ Государя, от данный в день битвы (26 авг.) войскам: вещь, в которой пропасть народной поэзии и знания русского сердца.

8 сентября [1839]

<...> Бородинские маневры кончились, Государь приехал оттуда в Москву 3-го сентября вечером. Свободные гвардейские войска, бывшие отсюда на Бородинском поле, также вступят в Москву, и купечество собирается угостить их в Экзерциргаузе. Потом будет торжественная закладка храма Христа Спасителя, предложенного еще Александром в память 1812-го года, начатого на Воробьевых горах, но потом не состоявшегося за совершенным неудобством местности, но при всем том поглотившего в одной, так сказать, идее своей несметные суммы благодаря плутовствам комиссии и особенно главного строителя Витберга <...>, сосланного потом в Сибирь. Теперь все это передумано. Храм будет в самом городе близ Кремля на берегу Москвы-реки там, где стоял прежде Алексеевский монастырь. Когда я посетил в прошлом году Москву, этот монастырь был уже срыт и планировали место.

Ермолов <...>, почитающийся теперь решительно не в милости, был, однако же, в Бородине, и трудно бы ему было не приехать туда, когда в 1812-м году он был тут начальником штаба действовавшей армии: следственно, одним из самых первых лиц. На последнем маневре, изображавшем самую битву, Ермолов был при Государе вместе с гр. Воронцовым <...> и князем Д. В. Голицыным <...>, и он много говорил с ними о подробностях сражения. <...>

29 декабря [1839]

<...> Пред праздником Государь вдруг неожиданно явился в Английском магазине и в известной нашей кондитерской *a la renommee*, «pour acheter des étrènnes pour les siens»*.

* Известной... «чтобы купить гостинцы своим» (*фр.*).

В Английском магазине хотя он и накупил множество вещей, однако ничто его особенно не соблазнило: он находил, что все ему показываемое есть уже у Императрицы. В заключение он поручил хозяину (Плинке) сказать великой княгине Елене Павловне, что она не так аккуратна, как он, потому что опоздала к часу *rendez-vous*, который они назначили себе в Английском магазине. Кондитерская *a la renommee* более удовлетворила Государя: он накупил там тьму вещиц и, между прочим, статуйку славной нашей французской актрисы Bourbier.

Наш маленький генерал-адмирал великий князь Константин Никол^{<аевич>}, несмотря на свои 12 лет, показывает уже очень много характера и энергии. Между многими об нем анекдотами, которые ходят по городу, особенно забавны два следующие. Прошлым летом он поехал на катере из Петергофа кататься в море и вдруг приказал гребцам, несмотря на возражения своей свиты, идти к Кронштадту. Разумеется, что в Петергофе между тем все были в страшном беспокойстве и по его возвращении Государь принял маленького богатыря в руки. Но, выслушав с покорностью родительские упреки, он вдруг сказал, что просит Государя уволить его в отставку, потому что «если и на море не может иметь своей воли и приказывать, то незачем ему и носить понапрасну звание генерал-адмирала». Другой раз, будучи на корабле, он упал с мачты и был спасен только ловкостью одного матроса, который подхватил его на руки и которого в награду он тут же пожаловал в мичмана. Государь, до которого это totчас дошло, объявил, что такой награды дать матросу невозможно, потому что звание мичмана требует известного образования и технических познаний, но генерал-адмирал, несмотря на все вразумления и даже, как говорит хроника, на прутик, остался при своем, объявляя, что данного однажды слова назад не возьмет, так что, наконец, Государю пришлось самому от своего имени уничтожить это неуместное пожалование и дать матросу взамен другую награду.

